

РУССКАЯ МОЗАИКА

ЛЕВ РЫЖКОВ

МОСКВЫ
НЕ БЫВАЕТ

УДК 821.161.1
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Р93

Рыжков А.В.

Р93 Москвы не бывает / А. Рыжков, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 326 с. — (Русская мозаика).

Интересные сюжеты, хорошие описания, неожиданные повороты. Произведения Льва Рыжкова понравятся всем, кто предпочитает современную прозу о жизни и проблемах простых людей, а также увлекательные истории.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91979-6

© Лев Рыжков, текст, 2022
© Василь Салихов, обложка, 2022
© Иванов В.Ю., оформление, издатель 2022
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

МОСКВЫ НЕ БЫВАЕТ

МАТЕРИАЛЫ К ФИЛЬМУ

Авторское предуведомление

Сценарий фильма «Москвы не бывает» родился на свет из двух рассказов — «Поэзия» и «Провинция». Притом, рассказ «Поэзия» вовсе не был закончен. Зато оказался экранизирован. Такое, как мы видим, тоже бывает.

Специально для этой книги автор закончил «Поэзию», которая из рассказа вдруг разрослась в увесистую повесть. Скажу сразу — голову поломать пришлось. Хотя, казалось бы, что тут сложного? Всего лишь приклеить к незаконченному рассказу ту же концовку, что и в фильме. Тем более, что она уже написана. Правда, в другом рассказе — «Провинция».

Но нет, дорогие читатели! Автор слишком вас уважает, и по своему читательскому опыту знает, что нет на свете ничего скучнее, чем читать книгу по фильму, который уже смотрел. Знание финала — это яд, отравляющий чтение.

Поэтому ставший повестью бывший рассказ «Поэзия» отправляется в путь с той же станции, что и фильм «Москвы не бывает», но в какой-то момент пути фильма и текста расходятся, и вскоре поезд событий несётся совсем по другим рельсам и вместо станции «Полный Звездец» прибывает на справедливо пользующийся сомнительной славой полустанок «Конспирология-Товарная», сделав по пути остановку на станции «Суперсила».

Рассказ «Провинция» тоже начинается, как фильм. Точнее, его концовка. Но и здесь в какой-то момент всё начинает быть не так, как на экране. Может быть, чуть страшнее, или даже чуть смешнее.

Ну, что? Заинтриговал?

Тогда, как говорили великие, за мной, дорогой читатель!

Автор

ПОЭЗИЯ

1. ТАИНСТВЕННЫЕ ДРЫЩИ

Первый шаг в мир поэзии Лёха совершил туманным апрельским днем.

В Лёхиных руках бесновался перфоратор. Лёха вместе с Митнотей ставили окно на втором этаже центральной хрущёвки на Тельмана.

Квартира была убитая. Выцветшие бумажные обои в бурый цветочек, исписанные номерами телефонов, названиями лекарств, еще какой-то старицовой дребеденью. В центре комнаты, где работали Лёха с Митнотей, мешал ходить вонючий матрас, в который явно не единожды мочился вовсе не младенец. На полу валялись книги. Старые, советские, неинтересные. Бумажки какие-то, тетрадки. Альбомы с фотографиями.

В хату въезжал Толяныч — известный в городе человек. Один из его строительных королей. Дела Толяныча были грязны, как эти старицовские обои. У Лёхи было одно желание — держаться от всего этого подальше. Он не хотел знать ни то, как досталась Толянычу эта квартира, ни от чего умер хозяин (тут, что хочешь, могло быть). Лёху пригласили, Лёха окна поставил. Точка. Остальное не его ума дело. Заказ от Толяныча был ко времени. Наёбывать заказчик вроде бы не горел желанием.

— Не наебёт! — лучился оптимизмом Митнотя. — Что ему наши копейки?

Ну, хотелось бы верить.

Лёха не знал, что добавляли в раствор советские строители хрущёвок, но пылевая крошка от того бетона всегда была особенно злоебучая. Работать приходилось зажмурившись, в который раз пеняя себе за отсутствие очков.

Лёха выключил перфоратор, снял рукавицу и принялся тереть глаз.

— И чо замер? — Включил матюгальник Толяныч. Он, понятно, был здесь. Контролировал.

— Да в глаз хуйня всякая летит, — Лёха ловил себя на том, что оправдывается.

— Это бывает, — Толяныч не стал усугублять конфликт. Значит, заплатит.

Толяныч сидел, потел на стариковском облезлом диване. «Глубокие котлованы хозяйственных морщин складывались в иероглиф брезгливости», — скажет позднее Лёха.

Но, впрочем, насколько Лёха Толяныча знал, сейчас тот должен сказать какую-нибудь гадость. Не может не сказать.

И точно:

— Да ты что с глазами, что без — одинаковый долбоёб. Вот это вот куда ты нахуярил? Вот это так, по-твоему, крепление встанет?

Когда Толяныч баллотировался в депутаты местного совета, слоган ему придумали: «До всего есть дело!» Тут не соврали, конечно. Если б еще соображал при этом...

— Так пеной его, Толяныч! — жизнерадостничал Митютя. Он был совсем на мели, и не бухал уже четыре дня. Рожей порозовел, окреп, страдал от этого. Сегодня — предвкушал угар.

— Вы мне наворочаете тут, блядь, деятели, — говоря это, Толяныч, впрочем, был добродушен.

— Перекур, — сказал Лёха. — Пошли, Митютя.

В глазу зудело серьёзно. Надо было проморгаться, что ли.

— Здесь курите, — разрешил Толяныч. — И так тут смердит, блядь, пролежнями.

Закурили. Стали во двор смотреть.

— Так-то и не скажешь, что центряковый двор, — делился впечатлениями Митютя.

Двор как двор. Вон помойка, рядом собаки. Гаражи, как надо — с переходом в площадку детскую. Бабки, алкаши, молодняк под грибочком детским.

Громыхая, во двор вползал мусоровоз.

— Вон, Толяныч, чучмеки твои приехали, — Митютя локотком был подсуетиться.

— Да слышу, — Толяныч тоже был красавя. Даже не почесался, чтобы встать. — Они же тупые. Сами не найдут. Слышь, Лёхан, метнись, приведи их.

Может быть, это было неправильно, но Лёхе сейчас вовсе не хотелось «метаться». Тоже, блин, нашел метальщика.

— Ты давай быстрее, — понукал Толяныч.

— А ты мне сколько заплатишь за то, чтобы метаться? — Чтоб такое говорить Толянычу, надо было собраться с духом. Но сейчас с первого раза получилось.

— Чего ты там булькаешь?

— Того, — Нарываться так нарываться. — Мое дело пакеты ставить, а не чучмеками твоими командовать.

— Лёхан цену себе знает, даже пукать даром не станет, — поспешил с шуточкой Митютя.

— Пиздите много, курите, — резюмировал Толяныч. — Не работаете ни хуя. Крутые, блять. Ладно, сам приведу. От вас, аристократии, разве дожدهшься.

Толяныч встал в облаке пыли, погромыхал по коридору, распыливая бумажки.

* * *

— Ты ебанулся — так с Толянычем разговаривать? — Митютя набросился на Лёху, стоило заказчику выйти.

— Я из-за него пострадал может, — Весь кураж как сквозняком сдуло, Лёха опять оправдывался.

— Это ты из-за ебанизма своего пострадал, что без очков работаешь.

— Ну, сходи, попусти ему.

— Не меня же просили.

— А то б побежал?

— Попизди тут.

Кажется, наконец-то, удалось проморгаться. Слезная завеса в глазу исчезла. Проявился Толяныч, который уже спустился во двор и матюкал теперь чучмек.

Жизнь казалась Лёхе раз и навсегда определенной. Молодой установщик стеклопакетов знал дальнейшее её течение. Сюрпризов не предвиделось. Зато много труда и скромные семейные радости — это к гадалке не ходи. Хотя у всех такая жизнь, чего там.

Лёха еще не знал, что прямо сейчас произойдет событие, которое взорвёт предопределенность его судьбы и, по большому счету, направит её в другое, совершенно невообразимое, русло.

Событие начало происходить, когда к Толянычу и чучмекам приблизилась очень странная компания. Правильнее даже сказать — невозможная в данном городе компашка.

Во главе этой группы людей шла тётя лет пятидесяти, немолодая, в общем. Она была бы похожа на учительку, если бы не зелёные волосы.

— Жаба, гля! — комментировал Митютя.

«Жабу» сопровождали два дрыща с очень решительными лицами. Один был в плаще и длинноволосый. Второй казался неимоверно тощим, на костлявой голове колыхалась беретка. Словно на череп из кабинета биологии натянули беретку эту.

— Скелет, я ебу, — комментировал Митютя. — Чо они к Толянычу привязались-то?

— Мама родная за Толяныча так не переживает, как ты, — съязвил Леха.

Во дворе определённо происходило что-то сверхъестественное. Зеленоволосая наседала на Толяныча и, казалось, хотела толкнуть его своими сисяндрами, размер которых уже всю комментировал Митютя.

— Вы не имеете права! — выговаривала зелёная Толянычу. — Это мемориальный объект. Мы ставим вопрос о создании музея!

— Эта помойка — музей? — удивился Митютя.

Лёха тоже удивился, хотя и не вслух.

Толяныч отодвинул тетку — он умел это делать. Зеленоволосая покачнулась. Но тут ей на помощь решительно шагнули

дрыщи. Подхватили тётку, цыплячи грудки выпятили вперед. Один Толяныч был их обоих шире.

Зашевелились Коча и Ряпа — быки Толянычевы. Они в джипе сидели. Вышли, стали разминаться, демонстрировать бойцовые навыки ненавязчиво. Обычно этого хватало.

Но не сейчас. Дрыщи не дрогнули. Даже не попятились.

А тетка достала из сумочки какую-то бумажку. «Из департамента культуры», — донеслось до развороченного окна второго этажа.

И случилось невероятное — Толяныч попятился.

Сам Толяныч, да.

Он пытался схватить бумажку, но тётка быстро убрала ее в сумку. В обыденной жизни Толяныч, конечно, наваял бы наглой бабе оплеух. Но тут обозначилось ещё одно действующее лицо этой прелюбопытной сцены.

До его появления Лёха наблюдал возню во дворе более-менее безучастно. Но когда появилась девчонка с фотоаппаратом, что-то в глубине естества вдруг дрогнуло. Как напишет Лёха впоследствии: «Палец судьбы разминался на струнах души, тербя их предчувствиями».

Девчонка была маленькая, а вот фотоаппарат — как раз большой. Совершенно не в Лёхином вкусе девчонка. Мелкая, тощая, в пальтишке и джинсиках. Чёрно-рыжие волосы отчётливо кучерявились и были без хитростей расчесаны на две стороны.

— Баба в брюках — не баба, — рассуждал как-то под пивас Митютя. — Вот назначено тебе в юбке весь век свой ходить, так и будь добра.

— И мужикам приятней глаза греть-то, — поддержал его тогда Лёха.

А сейчас он смотрел на эту девчонку. В джинсиках. «Таран ее женственности сокрушил мозоли моей души», — признается Лёха много позже.

Но сейчас он смотрел, как девчонка направляется к Толянычу. Как она нацеливает на него объектив, как ствол. Шаг вперёд — щёлк! Вспышка. Шаг — вспышка!